

УДК 339.9
ГРНТИ 06.51.02

Сдвиг мирового экономического ландшафта: от «эпохи организаций» к «эпохе мегасоглашений и мегапроектов»

И.А. Платонов

e-mail: ivan.pltnv@yahoo.com

Аннотация

Предмет/тема. В статье поднимаются вопросы качественных и количественных изменений структуры мировой экономической системы. Исследуется история функционирования международных экономических организаций, современная проблематика их существования. Отдельное внимание уделяется вопросам реформирования значимых элементов мировой финансовой архитектуры, необходимым направлениям потенциальных изменений в условиях замедления роста мировой экономики и сокращения длительности кризисных циклов. Подробно рассматривается сущность явлений мегапроектов и мегасоглашений, объективная необходимость перехода к этим формам межрегионального взаимодействия. **Цели/задачи.** Цель работы – анализ текущих трендов мировой экономики, выявление основных противоречий между разнородными участниками международной экономической системы, описание тенденций переформатирования экономического ландшафта в 21 веке и определение их особенностей, оценка возможных сценариев развития проблемы. **Методология.** Автор применяет такие общенаучные методы, как анализ, синтез, аналогия, группировка, сравнение, прибегает к комплексному анализу количественной и качественной информации. **Результаты.** Выдвинут тезис о структурном сдвиге и изменении формата глобальных экономических связей, описан и обоснован тренд снижения авторитета международных организаций и сокращения их влияния на текущие процессы в рамках системы международных экономических отношений. Исследованы явления и представлены авторские определения мегапроекта и мегасоглашения, рассмотрены преимущества образующегося формата международных экономических отношений перед сценарием status quo, объяснена объективность и неизбежность развивающихся процессов. **Выводы/значимость.** Автор приходит к выводам о полной реорганизации мирового экономического ландшафта, основанной на попытках стран реагировать на краткосрочные изменения конъюнктуры в целях сохранения стабильного роста экономики, о падении роли механизмов принятия коллективных решений, созданных ещё до начала постиндустриальной эпохи, а также о возрастающей роли мегасоглашений и мегапроектов в современном мире. **Применение.** Описанные в статье тенденции и выдвинутые тезисы и прогнозы могут быть применены при совершенствовании внешнеэкономических стратегий, принятии инвестиционных решений.

Ключевые слова: *мировой экономический ландшафт, мировая финансовая архитектура, мегапроект, мегасоглашение, трансрегионализация, ТТП, ТАТИП, РВЭП, «Один пояс и один путь»*

Изменения глобальной экономической конъюнктуры, характеризующиеся замедлением темпов роста мировой экономики [14], влияют на развитие качественных преобразований формата экономических взаимодействий субъектов международного хозяйства. Рыночная неопределённость, циклические и нециклические проявления волатильности на различных уровнях, ожидание новой технологической революции и другие факторы склоняют акторов разного размера и значимости к осуществлению менее рискованных стратегий. Все эти процессы не без влияния политических трендов «разочарования» электората демократических стран в предлагаемых стихийных моделях глобализации неизменно приводят к

началу новой фазы развития мировых рынков. Эта фаза характеризуется новой волной частичной закрытости рынков, протекционизма, локальными дезинтеграционными всплесками и, как следствие, отказом от продиктованных историей и экономико-географическим положением векторов интеграции в пользу новых форм глобального сотрудничества. «Экономическое партнёрство» – одна из наиболее перспективных форм такого рода, отвечающая духу времени [9]. Этот сравнительно новый институт международных экономических отношений возникает в неразрывной связи с и в рамках процесса трансрегионализации [2, с. 12-15]. Появление трансокеанических и трансконтинентальных масштабных экономических

связей системного характера – не что иное, как закономерная реакция крупных «продавцов» на осложнения глобального экономического ландшафта, проявляющаяся в поиске новых рынков сбыта, объектов инвестиционного взаимодействия, источников дешёвой рабочей силы, и т.д. Развивающиеся экономики, с другой стороны, нуждаются в технологиях, дешёвых кредитах, иных качественных преференциях. Трансрегионализация становится более ощутимым процессом ввиду последних достижений в отраслях транспорта, очередной информационной революции.

Стоит отметить, что с момента образования мировой финансовой системы, международное хозяйство двигалось в фарватере созданных институтов, подразумевающих принятие глобальных решений на основе квот, долей и пропорций (МВФ, ВБ, ОЭСР и другие) или на основе неготиации и консенсуса (ВТО). Создание такого рода структур непременно ведёт к внутренним конфликтам в связи с качествен-

ной разнородностью уровней развития участников. Один из наиболее «живых» конфликтов возникает в связи с вопросом предоставления дополнительных привилегий развивающемуся миру ввиду экономической перспективности последнего. Ещё одно фундаментальное противоречие – экстенсивное разрастание организаций и роль нововступающих стран: развитое ядро (по Валлерстайну), будучи инициатором, лежит у истоков каждой из них, тогда как развивающаяся периферия становится материалом для расширения географических границ этих объединений. Сам конфликт состоит в том, что: а) количество потенциальных членов ограничено; б) новые члены – чаще реципиенты технологий, кредитов, становятся лёгкой коммерческой добычей ТНК развитых стран, уничтожающих конкуренцию своими размерами; актуален также вопрос частичной потери суверенитета, закрепления негласного статуса «эксплуатируемого». Сам процесс расширения данных организаций отражён в следующей таблице:

Таблица 1

Хронологическое изменение количества членов организаций

Вступление в период до (гг.)	Количество стран-членов организаций			
	ОЭСР (ОЕЭС)	МВФ	МБРР	ВТО
1959	20	71	65	-
1969	22	118	111	-
1979	24	143	132	-
1989	24	154	150	-
1999	29	183	182	135
2009	30	186	186	153
2017	35	188	189	164

Источники: *Рассчитано автором по данным официальных сайтов организаций (www.oecd.org; www.imf.org; www.worldbank.org; www.wto.org).*

Из данных таблицы очевидно буксование экстенсивного расширения МВФ, организаций группы ВБ и ВТО. В то же время ОЭСР, будучи некоторого рода «элитным клубом» для наиболее преуспевающих экономик, также расширяется медленными темпами [15].

Хронологически последним признаком несостоятельности ВТО как площадки для глобальных торговых решений стал провал Дохийского раунда, где страны, в ходе переговоров, столкнувшись с «сельскохозяйственным вопросом» [3], не смогли прийти к консенсусу. В действительности, данный сектор экономики, будучи крайне чувствительным к тарифным и прочим внешнеторговым мерам (а в развивающихся странах, где значительная часть

населения вовлечена в производство сельскохозяйственной продукции, это прослеживается ещё более чётко), выглядит камнем преткновения на пути всеобщей пошлинной и тарифной либерализации, продвигаемой ВТО: продовольственная безопасность – необходимый элемент не только на случай вынужденной автаркии, военных конфликтов, катастроф и т.д., но и надёжное средство защиты от циклических колебаний основных рыночных показателей современной мировой экономической системы. Естественным образом, тарифы для потенциальных импортёров с/х продукции в большинстве стран-членов ВТО сравнительно высоки. Так, например, в 2016 году средние адвалорные пошлины на товары сектора в США,

ЕС, Китае, Японии, Индии равны соответственно 4,8%; 10,9%; 15,7%; 16,6%; 32,7%, в то время как аналогичные сборы на несельскохозяйственные продукты равны соответственно 3,3%; 3,9%; 9,2%; 2,5%; 10,1% [19]. На этой почве выявлены противоречия нового характера: между нетто-импортёрами и нетто-экспортёрами агрокультурной продукции. Примечательно, что в обеих группах есть представители как развитого, так и развивающегося мира. Помимо данного вопроса, провал Дохийского раунда также связан с такими моментами, как: форсированная трансформация Китая в процессе ведения переговоров. Если в 2001 году, при его старте, ВВП страны составлял чуть более триллиона долларов, то, показывая на протяжении 15-ти лет среднегодовой прирост более 9,5%, к 2016 году показатель составил 11,2 млрд. [17]. Далее: снижение уровня внутреннего субсидирования фермерских хозяйств [5] США поставило перед последними задачу по лоббированию интересов производителей с/х продукции за рубежом. В этом случае наблюдаем модель противоречия «США – Остальной мир». Выдвигая в качестве конечной цели «Либерализацию международной торговли», ВТО в ходе функционирования встречается не только с локальными протекционистскими явлениями, но и с эссенциальными разногласиями ввиду неоднородности и неравномерности развития разных регионов, районов, стран и квазигосударственных формирований.

Международный Валютный Фонд, являющийся по своей структуре, фактически, акционерным обществом с государствами-акционерами, а по назначению – крупным финансовым посредником, перераспределяющим свободные средства, также уже не отвечает многим вызовам современности. Консультационные функции организации чаще имеют декоративный, чем глубокий аналитический вид, так же, как, например, институт СДР, являющий собой не что иное, как неестественную попытку внедрения мировых денег нового типа в эпоху безоговорочного и вполне природно-рыночного господства доллара. Фонд, обращаясь накануне саммита группы G-20 к странам, рекомендовал (ведь аппарата принуждения он не имеет) участникам переход на использование Специальных прав заимствования во внешне-экономических расчётах [13]. В этом же докладе МВФ заново классифицирует актив:

1. О-СДР (O-SDR) или официальные СДР, являющиеся теми самыми распределяемыми

время от времени Фондом «потенциальными требованиями».

2. М-СДР (M-SDR), что по своей сути является номинированными в Специальных правах заимствования финансовыми инструментами. Речь идёт о деривативах, основанных на аналогичной СДР корзине с такими же пропорциями.

3. СДР в качестве расчётной единицы, для ведения и представления экономической статистики и финансовой отчётности.

Оставаясь формальным, данное разделение не имеет практического применения; антикризисные меры, транши, кредиты, другая балансирующая мировую экономическую систему деятельность Фонда опять же не может быть полностью обеспеченной СДР. Главной проблемой на пути становления этой гипотетической наднациональной валюты остаётся рынок в его классическом понимании. Рациональные экономические агенты среди активов выбирают наиболее ликвидные и надёжные для оборотных и резервных целей соответственно. Поскольку сейчас на международных рынках государства во многом утратили позиции в пользу других агентов – ТНК, то и правила рынка стихийно диктуются последними [6]. Корпорации же вполне удовлетворены status quo, циклы и кризисы затрагивают их в меньшей степени, нежели других экономических агентов.

Также очевиден «конфликт квот» – односторонняя возможность США накладывать вето на решения организации в связи с обладанием более чем 15% голосов [12]. Представляющие наиболее экономически значимую часть развивающегося мира страны неформальной группы БРИКС же, к примеру, в совокупности имеют менее 15%, что даже при полной солидарности по вопросу не даст права вето последним [12]. Иначе говоря, интересы развивающихся стран могут быть защищены лишь при их полной консолидации. Однако, как уже было указано ранее, и развивающийся мир содержит в себе такие фундаментальные противоречия, как разность структур экономик, моделей развития, экспортно-импортная неоднородность, наконец, экономико-географическое положение.

И МВФ, и организации группы Всемирного Банка, и многие региональные банки развития в настоящее время являются для мирового хозяйства лишь оформленным историческими международными договорами механизмом для синдицированного кредитования и инвестирования. Кредитуемые, зачастую неспособные к полному соблюдению условий рассрочки, вы-

нуждены жертвовать суверенитетом, домашними рынками, ресурсами, процедуры по частичной «передаче» которых в МЦУИС и международных судах уже успели стать прецедентными. Особо важно, что за более чем полвека торговой практики периферийные страны полностью разочаровались в продвигаемой большинством международных организаций системе DRC [7], где за внешней «логичностью» необходимости продвижения перспективных отраслей скрывается невозможность изменения статуса экономики на мировой арене, de jure система с подобными правилами ставит приоритетной целью развитие именно периферии, однако de facto это лишь надёжный способ защиты интересов ТНК.

И важнейшие части глобальной финансовой архитектуры, и организации, призванные на принципах равенства, транспарентности, гласности и пр. осуществлять координационную деятельность, фактически, вступили в кризисную фазу.

Естественно, что при падении доверия к глобальным регуляторам и снижении их роли в МЭО, управляющие органы экономических систем отдельных стран, будучи рациональными игроками мирового рынка, создают собственные структуры либо же акцентируют внимание на локальных интеграционных проектах, проявляют точечную инвестиционную активность. «Устойчивое развитие», недостижимое в мировом масштабе при нынешнем состоянии экономического ландшафта, отходит на второй план.

Следующие процессы, так или иначе, влияют на развитие описываемого сценария и создание «новых правил» и «новой архитектуры»:

1. Как международные организации, так и крупные внерегиональные игроки не в состоянии прямо влиять на локальную интеграцию. Так, например, в статье XXIV ГАТТ указано, что ВТО «не препятствуют образованию территориями договаривающихся сторон таможенного союза или зоны свободной торговли, или принятию временного соглашения, необходимого для образования таможенного союза или зоны свободной торговли, при условии что: (а) в том, что касается таможенного союза, или временного соглашения, ведущего к образованию таможенного союза, пошлины и другие меры регулирования торговли в отношении торговли с договаривающимися сторонами, не являющимися участниками такого союза или соглашения, установленные при учреждении

такого союза или заключении временного соглашения, не являются в целом более высокими или более ограничительными, чем общее значение пошлин или мер регулирования торговли, применявшихся в составляющих его территориях до образования такого союза или, в зависимости от случая, принятия такого временного соглашения; (b) в том, что касается зоны свободной торговли или временного соглашения, ведущего к созданию зоны свободной торговли, то пошлины и другие меры регулирования торговли, существовавшие в каждой из составляющих её территорий и применявшиеся, к моменту создания такой зоны свободной торговли или принятия такого временного соглашения, к торговле договаривающихся сторон, не включённых в такую зону или не являющихся участниками такого соглашения, не являются более высокими или более ограничительными, чем соответствующие пошлины и другие меры регулирования торговли, существовавшие в этих же самых составляющих территориях до создания зоны свободной торговли или, в зависимости от случая, временного соглашения; и (с) любое временное соглашение, упомянутое в подпунктах (а) и (b), включает план и график образования такого таможенного союза или такой зоны свободной торговли в течение разумного периода времени» [10]. Несомненно, географический индетерминизм в вопросах либерализации ведёт к спорам на разных уровнях, однако такая позиция, называемая «либерализацией приграничной торговли» выглядит убедительно.

2. Колониальная система, закономерно сменившаяся системой «ядро-периферия», все ещё предполагает разность геофизического расположения этапов производства. Так, в связи с наличием в развивающихся регионах «дешёвого труда», крупные корпорации развитых стран создавали производства в странах периферии [1, с. 25]. Итог: в настоящее время можно наблюдать множество трансокеанских, трансконтинентальных производственных цепочек практически в каждой из сфер и секторов экономики.

3. Создавшееся в посткризисный период состояние мировой экономической системы, терпящее сравнение (конечно, через торговую-экономическую призму) с исторически известным «Европейским концертом», когда страны наращивают резервы, ожидая новых циклических потрясений, технологические, транспортные новшества и отклонение от монополярного сценария развития приводят к увеличе-

нию степени свободы экономик от других экономик взамен на усиление зависимости от глобального экономического ландшафта и пропорций. Классическая иллюстрация этой тенденции – CDS.

Объективно появление двух новых практических форм международного экономического взаимодействия – «мегасоглашение» и «мегапроект».

Мегасоглашение – широкопрофильный многоотраслевой взаимовыгодный многосторонний договор, включающий в себя взаимные преференции и специальные условия для стран-участников (чаще всего на компромиссной основе) в отдельных секторах/отраслях экономики, а также совместное учреждение новых надгосударственных институтов, целью которых становится осуществление и контроль за процессом взаимодействия стран-участников. Отличительной особенностью такой формы внешнеэкономической связи является простота структуры и относительная динамичность потенциальных изменений. И если до недавнего времени межгосударственные соглашения заключались преимущественно между странами-соседями, потенциальными членами интеграционных группировок, то сейчас набирают обороты трансокеанические и трансконтинентальные модели сотрудничества. Такие модели в основном принимают форму *партнёрств*. Прежде всего, в этом формате заинтересован лидер мировой экономики – США: будучи географически изолированными от евразийского континента, штаты осознанно ищут пути трансрегиональной интеграции. Как итог, можно выделить два трансокеанических соглашения – ТТП [16] и ТАТИП [8] (Транстихоокеанское партнёрство и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрство соответственно). Оба проекта охватывают более 40% мирового ВПП, значительную часть населения планеты и, что очевидно, важнейшие зоны влияния США на геополитическом пространстве. И если второй – закономерный ход в развитии отношений Америки и Европы, несмотря на все противоречия, тем менее, идущих схожими внешнеторговым, макроэкономическим и геополитическим курсами, то первый – оперативный ответ на возникновение угрозы потери влияния в АТР ввиду роста и усиления влияния Китайской Народной Республики в регионе. РВЭП [11] (Региональное Всестороннее Экономическое Партнёрство), включающее наиболее крупных

игроков АТР, предполагает интеграционное развитие в формате «ЗСТ+» [20].

Мегапроект – масштабный проект, предполагающий достижения конъюнктурных изменений посредством межгосударственного многостороннего экономического (прежде всего), культурного, социального, политического и т.д. взаимодействия. В отличие от мегасоглашения, мегапроект выдвигается одним (несколькими) инициатором(-ами), другие же стороны могут либо присоединиться к нему на правах участников проекта, либо отказаться от его осуществления (не присоединяться либо выйти из него). Таким образом, мегапроект можно назвать «глобальным IPO». Данная форма является более гибкой, чем предыдущая для всех участников за исключением стран(ы)-инициаторов(-а). Фактически, распределение риска и факторов потенциальной прибыльности глобального проекта происходит таким же образом, как при долевым участии в фирме на микроуровне.

Ярким примером «мегапроекта» можно считать внешнеэкономическую стратегию КНР «Один пояс и один путь». Эту стратегию, являющуюся логичным «физическим» продолжением инвестиционной стратегии «идти вне», можно назвать первым таким IPO в рамках мировой экономической системы. Стоит отметить, что стимулы, прямо повлиявшие на выдвижение инициативы и последующее развитие, в большинстве своем заключаются в экономическом цугцванге Китая, сложившемся в годы замедления роста экономики, падения экспорта, случающихся все чаще кризисов на фондовых рынках. Реальность такова, что «необходимо либо расширять рынки, либо – перераспределять риски во всей экономической системе, снижая рентабельность всех звеньев экономики, но обеспечивая рентабельность по наиболее критичным направлениям» [4, с. 91]. Причинность мегапроектов «Экономического пояса шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI века» [21] в совокупности внешних (новых форматов американского экономического присутствия на евразийском континенте) и внутренних (уже описанных выше кризисных тенденций замедления роста) факторов. Важно отметить, что этот план руководства КНР, несмотря на символическую «привязку» к названию средневекового торгового коридора (которое, кстати, появилось намного позже эпохи существования самого «пути» [20, с. 26]), является

флагманским глобальным логистическим и торговым решением.

Смещение акцента от устаревшего «страна-организация-страна» в сторону моделей международных экономических отношений нового типа выглядит объективной необходимостью. В то время как организации продолжают регулировать отношения между теми акторами, уровни экономического развития которых заметно разнятся (в том числе, например, гуманитарные вопросы). Среди рисков осуществления описываемых интеграционных форматов нового типа можно выделить:

- Непредсказуемость рыночных флуктуаций: неожиданный обвал на фондовых рынках главных субъектов ещё не осуществлённых проектов и ещё не подписанных соглашений может заставить последних отказаться от намерений;

- Непостоянность политического курса крупнейшего игрока рынка – США: «Слоны» и «ослы» продвигают разные модели глобализации и по-разному видят роль страны в глобальной экономической системе;

- Цены на энергоресурсы и тренды развития альтернативной энергетики. Так, например, при новом росте цен на нефть межконтинентальный экспорт (в том числе и китайский) столкнётся с новыми трудностями: транспортные издержки сделают производство нерентабельным;

- Геополитические конфликты, развитие и разрешение проблем, сложившихся в так называемых «буферных зонах»;

- Отсутствие обладающей формальным авторитетом «третьей стороны» для решения противоречий, торговых и инвестиционных споров;

- Отсутствие полноценной общей правовой базы (кроме ранее заключённых международных договоров), проблемы процесса унификации законодательств различных правовых полей.

Вполне вероятно, что уже в недалеком будущем данные риски приведут к кризису двух новых моделей международных экономических отношений и вынудят акторов мировой экономической системы к созданию связей нового типа, к качественно новой организационной структуре, либо же «маятник глобализации» качнется обратно – в сторону «пропорционально организованного неравенства». Так или иначе, новая фаза в развитии этих процессов обещает быть заметно короче предыдущих.

Литература

1. Платонов И.А. КНР: актуальные социально-экономические тенденции // Научные записки молодых исследователей. – 2016. – № 3. – С. 23-27.

2. Хейфец Б.А. Трансрегиональное переформатирование глобального экономического пространства. Вызовы для России. – М.: Институт экономики РАН, 2016. – 86 с.

3. Холодков В.М. Основные проблемы Дохийского раунда многосторонних торговых переговоров в рамках ВТО и интересы России // Проблемы национальной стратегии. – 2014. – № 1 (22). – С. 153-166.

4. Цветков В.А., Логинов Е.Л. Системная финансовая нестабильность в экономике Китая: в каком направлении движется китайский «локомотив» развития мировой экономики? – М.: ИПР РАН, 2015. – 118 с.

5. Chris Edwards. Agricultural Subsidies, Downsizing the Federal Government. October 7, 2016.

6. David Antony Detomasi. The Multinational Corporation and Global Governance: Modelling Global Public Policy Networks // Journal of Business Ethics. - 2007. - No. 3. - Vol. 71. – Pp. 321-334.

7. Edward Tower. Domestic Resource Cost. Duke University // Journal of International Economic Integration. - Spring 1992. - № 7(1). – Pp. 20-44.

8. EU negotiating texts in TTIP. European Commission. [Электрон. ресурс]. – URL: <http://trade.ec.europa.eu/doclib/press/index.cfm?id=1230> (дата обращения: 03.03.2017).

9. European Commission. Economic Partnership Agreements (EPAs) African, Caribbean and Pacific Voices Speak Up For Trade and Development, 2011.

10. GATT 1994 Part III Article XXIV: Territorial Application — Frontier Traffic — Customs Unions and Free-trade Areas.

11. Guiding Principles and Objectives for Negotiating the Regional Comprehensive Economic Partnership. Australian Government, Department of Foreign Affairs and Trade. [Электрон. ресурс]. – URL: <http://dfat.gov.au/trade/agreements/rcep/pages/regional-comprehensive-economic-partnership.aspx> (дата обращения: 03.03.2017).

12. IMF Members' Quotas and Voting Power, and IMF Board of Governors. Last Updated: February 27, 2017. [Электрон. ресурс]. – URL: <https://www.imf.org/external/np/sec/memdir/members.aspx/> (дата обращения: 27.02.2017).

13. International Monetary Fund, Staff Note for the G20. The Role of the SDR – Initial Considerations, July 15, 2016.
14. Jeffrey Frankel. Understanding the Global Slowdown. Harvard Kennedy School. – 2016.
15. List of OECD Member countries - Ratification of the Convention on the OECD. [Электрон. ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org/about/membersandpartners/list-oecd-member-countries.htm> (дата обращения: 03.03.2017).
16. Text of the Trans-Pacific Partnership. New Zealand Foreign Affairs and Trade. [Электрон. ресурс]. – URL: <https://www.mfat.govt.nz/en/about-us/who-we-are/treaties/trans-pacific-partnership-agreement-tpp/text-of-the-trans-pacific-partnership/>(дата обращения: 03.03.2017)
17. The World Bank data. [Электрон. ресурс]. – URL: <http://data.worldbank.org/> (дата обращения: 27.02.2017).
18. Valerie Hansen. The Silk Road, a New History. Oxford University Press, 2012. – 320 p.
19. WTO, ITC, UNCTAD. World Tariff Profiles. – 2016. – 229 p.
20. Xiao, Yifei, «Competitive Mega-regional Trade Agreements: Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) vs. Trans-Pacific Partnership (TPP)» 20 April 2015. CUREJ: College Undergraduate Research Electronic Journal, University of Pennsylvania. [Электрон. ресурс]. – URL: <http://repository.upenn.edu/curej/194> (дата обращения: 03.03.2017).
21. 王敬文。习近平提战略构想：“一带一路”打开“筑梦空间”。中国经济网 2014 年 08 月 11 日。 [Электрон. ресурс]. – URL: http://www.ce.cn/xwzx/gnsz/szyw/201408/11/t20140811_3324310.shtml (дата обращения: 20.02.2017).

A Shifting Global Economic Landscape: «from the Era of Organizations to the Era of Mega-Partnerships and Mega-Projects»

Ivan A. Platonov

e-mail: ivan.pltnv@yahoo.com

Abstract

Subject. This article is devoted to the recent questions of qualitative and quantitative changes in the structure of the world economic system. Author analyses history and modern problems of the international economic organizations, focuses on the reformation of the key elements of the global financial architecture; main directions of potential changes in the conditions of global economic slowdown and shrinking of duration of the crisis cycles are also discussed. Author describes the phenomenon of mega-project, the objective necessity of the transition to this form of inter-regional cooperation. **Objectives.** The purposes of this paper are: to analyze current trends of the world economy, to determine main contradictions between main actors of the international economic system, to describe trends of reconstruction of the economic landscape in the 21st century and to distinguish it's key features, to evaluate all possible scenarios. **Methodology.** Author applies the scientific methods such as analysis, synthesis, analogy, grouping, comprehensive analysis of quantitative and qualitative information. **Results.** The thesis about structural shifts and change of the nature of international economic relations is proposed; the trend of the reduction of the weight of international organizations described as well. Author investigates the essence and presents the definitions of «mega-partnership» and «mega-project», discusses the advantages of the patterns forming in comparison with the status quo scenario, explains the objectivity and inevitability of these processes. **Conclusions.** Nowadays we can face the complete reorganization of the global economic landscape that based on the uncoordinated attempts to respond to short-term market fluctuations in order to maintain the stable growth of national economy. **Application.** The trends described and ideas proposed in this article may be used during the improvement and adjustment of external economic strategies, can be considered during making investment decisions.

Keywords: *Global economic landscape, international financial architecture, mega-project, mega-partnership, trans-regionalization, TPP, TTIP, RCEP, «One Belt and One Road»*

Об авторе

Платонов Иван Александрович, студент 4 курса факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ.